

Заяицкий Сергей Сергеевич

Земля без солнца

Повесть

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
С32

С32 **Сергей Сергеевич З.**
Земля без солнца: Повесть / Заяцкий Сергей Сергеевич – М.: Книга по Требованию, 2024. –
98 с.

ISBN 978-5-519-85923-3

ISBN 978-5-519-85923-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРОЛОГ.

ЗНАТНЫЕ ИНОСТРАНЦЫ.

Пьер Бенуа — «Дорога гигантов».

Пьер Бенуа — «Дон-Карлос».

Пьер Бенуа — «Атлантида».

Уптон Синклер — «100 %».

Уптон Синклер — «100 процентов».

Уптон Синклер — «Сто процентов».

Тарзан! Тарзан! Тарзан!

Появление.

Исчезновение!! Возникновение!!!

Последняя новость...

Это за стеклом. А перед стеклом — гражданин Чашкин и между книгами и праздником Чашкиным легкий на стекле призрак, отражение, прозрачный гражданин Чашкин, набитый пестрыми обложками, — префутуристическая комбинация. Рядом возникают две другие комбинации. Ослепительно желтеют башмаки, сереет пиджак, белеет платье тонкое — через

обручальное кольцо протаскивается безо всякого затруднения.

— Николашка, купи что-нибудь Бенуа. У него всегда про интересное описано.

— Да ведь он, Киса, не американец. Лучше Синклера.

— Ах, смотри, «Тарзан в роли сыщика»!

— Вот это другое дело.

Гражданин Чашкин глядит на даму. Ух, не смотреть! Просвечивает насквозь — соблазн! Рядом башмаки желтые бьют в глаза. Зависть подкатывает комом под самое сердце. «Хоть бы ногу он себе вывихнул или под мотоциклетку попал. И ведь не попадет! Я скорей попаду!»

Гражданин Чашкин идет. Солнце на небе, солнце в окнах. Вязнут в асфальте стоптанные каблуки — вот, вот отскочат. Впереди внизу ножки: белые, серые, желтые. Сбоку за стеклами обложки: белые, серые, желтые. То обложки, то колбаса, то обложки, то колбаса. Колбаса гамбургская, колбаса польская, колбаса еврейская. Писатели американские, писатели французские, писатели немецкие. Богатые люди! Миллион экземпляров! А у гражданина Чашкина денег осталось всего миллион. Купить нельзя ничего, нищему подать — обидеть человека, бросить — оштрафуют на всю

сотню. Положение хуже губернаторского — после революции разумеется! (если бы губернаторское до революции, так это сделайте одолжение). Гражданин Чашкин приходит домой: счет за электричество, за водопровод, за канализацию. Литератор! Свободная профессия! Ведь вот за канализацию берут, а нет того, чтоб узнать, поел человек или не поел. Может быть, и не нужна ему эта самая канализация. Гражданин Чашкин сидит и соображает. На службах — сокращение. На рынках — повышение. Что-то было еще на «ение»? Да! Тарзан — появление, исчезновение, возникновение. Гражданин Чашкин встает и ходит по комнате: стучит ногами. Он знает, что от этого мипрень начнется рядом у толстой нэпманши. На зло! стучит ногами — прислушивается: не стонет и не ворчит. А, так вот тебе! Швыряет на пол таз эмалированный, сковородку, пресс-папье, загоняет молотком гвоздь в стену — приятно, точно ей под самую жирную лопатку. Не стонет, не ворчит. Гражданин Чашкин идет на кухню!

— Что ваша барыня померла, что ли!

— Они на бега уехали!

— Тьфу!

Ползет время, от скуки часы отбивает. Гражданин Чашкин из окна видит, как опус-

кается солнце прямо на гигантскую спицу радиотелеграфа. Вот — наткнулось. На стене два полушария. На одном Америка, на другом Африка — и остальная дребедень. Ведь вот Бенуа из этой Африки франки выщипывает, как перья из индюшки, а я не могу! А этот Тарзан (или как его: Берроуз, что ли), так он весь мир разделил на кусочки, каждый кусочек обсосал, обсусолил и выбросил за ненужностью.

А я не могу! Синклер — ну, тот американец, с ним не потягаешься: из твердых валют самая твердая. И через цензуру проходят, будто смазанные вазелином. А я не могу. Гражданин Чашкин сел в кресло и взор вперил в полушария.

Пьер Бенуа — Атлантида.

Уpton Синклер — 100 %.

Тарзан, Тарзан, Тарзан.

Вдруг поплыла Африка, контурами заерзала, — в четырехугольник вытянулась — «Иван Чашкин?» А что Иван Чашкин? Атлантида? Глупо! Уже написано. Сто процентов? Глупо! Тоже написано.

Дразнится, проклятая, языком, а на языке: последняя новость.

Стук в дверь легкий, вежливый.

Гражданин Чашкин вскакивает:

— Войдите!

Пиджак серый, словно обложка, из такого шевииота, что становись на колени, пресмыкайся и лобзай штанину. Башмаки цвета солнца, заходящего над Сахарой. Усики! Духами пахнет!

— Гражданин Чашкин?

— Да.

— Пьер Бенуа!

— Что такое? «Помилуйте, такая честь».

— Я не один... со мной... разрешите... М-р Берроуз!

— О?!

Английская штука. Шляпа!.. Кланяйся в ноги! Кланяйся в ноги!

Стоят с любезными улыбками.

— Русский литератор? Очень интересно познакомиться. Маленькое затруднение с сюжетом? Пустяки. Две секунды на размышление — два часа на написание. Миллион экземпляров. Право перевода во всех странах...

Неправда ли, сэр?

— All right!

Гражданин Чашкин потрогал голову: жет, голова на месте, только душа в пятках. Такие гости! Не нахамить бы! Не осрамить всероссийский союз писателей! «Молчать буду», думает.

— Итак, monsieur Берроуз.

— Итак, monsieur Бенуа.

— Вы начнете?

— О, такая честь! Французский роман всегда был, есть и будет...

— О, не скромничайте! Хорошо, я начну, ибо начать легче, а при моем малом таланте...

Начать-то, говорит, легче!

Англичанин рассыпается:

— Вы меня смущаете.

— Итак, monsieur Чашкин. Четверть стопы бумаги? Этого хватит, не правда ли?

— На первую серию.

Пьер Бенуа вынул сигару (цена-то, цена-то!) и закурил.

— Тема? — спрашивает англичанина.

— На ваше усмотрение.

— Но мировая?

— Разумеется, мировая.

Пьер Бенуа затянулся сигарой, м-р Берроуз вынул «Times», гражданин Чашкин за стол сел и дрожащею рукою перо в чернильницу обмакнул.

«Иван Чашкин» — вывел.

А дальше что? Дальше-то что?

Пьер Бенуа впери́л взгляд в оба полушария, словно страну себе выбирал.

У гражданина Чашкина дух занялся, и в глазах зарябило. Вот, вот сейчас возьмет землю всю, выжмет ее, как лимон, — и выбросит за ненадобностью! Пьер Бенуа выпустил изо рта клуб синего, как индийский океан, дыма.

— Написали «Иван Чашкин»?

— Хорошо. Пишите теперь:

З е м л я б е з с о л н ц а .

Роман.

Гению Герберта Уэльса с благоговением

посвящаю.

М-р Берроуз отвел глаза от газеты и с улыбкой профессионала, догадавшегося, в чем дело, пробормотал вопросительно:

— Немножко утопии?

Г Л А В А I.

МИСТЕР ВИЛЬЯМС НЕДОВОЛЕН ВСЕ- ЛЕННОЙ.

Два человека вошли в темную комнату, не зажигая огня, прошли на балкончик, висевший над огромным холлом международной гостиницы, и сели там в плетеные кресла. Под их ногами расстился огромный, пестрый от ковров пол холля, среди белой кисеи и шелка дамских платьев чернели смокинги, будто шмели, облепившие букет роз. Нестройный гул, сливаясь с причудливыми звуками негритянского оркестра, поднимался к стеклянному куполу. Париж в этот день праздновал годовщину версальского мира, и потому стены холля были украшены гигантскими красно-синими знаменами. Как капли росы в цветах,

так сверкали бриллианты на обнаженных шеях и плечах женщин, одуряющий аромат плыл по воздуху и вползал в темные окна шестиэтажных стен. Иногда черно-белая пара покидала шумный зал, и через несколько минут где-нибудь в одном из окон вспыхивал розовый свет ночной лампочки.

— Итак, Вильямс, — сказал Мак-Кеней, опершись острым подбородком на перила балкона, — вы уже ни во что не верите?

— Я верю во все, но я не могу управлять своим терпением, как автомобилем. Я чувствую, что я умру прежде, чем увижу, как разлетятся по ветру все эти смокинги и лаковые туфли.

— Вы думаете, что вы умрете раньше?

— Да... и вы тоже. Историю не так-то легко подгонять пулеметами или соблазнять конфетами...

— Однако...

— Вы понимаете... я не могу больше... Эти пошлые счастливые пары... Вон посмотрите, эти двое... Я уверен, что у них в глазах слезы умиления. Видите, она часто смотрится в зеркальце? Очевидно, у нее на носу прыщик, и теперь оба переживают это событие словно мировую трагедию... С каким удовольствием я бы пустил отсюда сотню летучих мышей, чтобы

посмотреть, как эти красавицы начнут хвататься за прически и накидывать скатерти на свои голые плечи.

— Вы сегодня злы, Вильямс.

— Когда я вижу стоячее болото, мне всегда хочется кинуть в него камень... Знаете, чтобы круги побежали во все стороны.

— К сожалению, мировое болото слишком обширно...

— Да, к сожалению... Время тащится на костылях...

— Посмотрите, Вильямс, как, повидимому, хороша та тоненькая блондинка и как отвратителен ее толстый, лысый спутник... Я думаю, что если распороть его живот, то из него высыпется столько франков, что все в них уйдут по колени. Вы не знаете случайно, кто это?

Вильямс помолчал с секунду, красивое лицо его омрачилось.

— Случайно знаю, — ответил он глухо. — Это банкир Дюко, а блондинка — его молодая жена Сюзанна.

— О, простите, Вильямс, я не предполагал... Это так неудачно с моей стороны.

— Вы тут не при чем... Я давно заметил их... Что делать, Мак-Кеней, в жизни огорчений всегда больше, чем радостей...